

Вестник
Томского государственного
университета

№ 363

Октябрь

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЕСТГОТОВ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛАРИХА

Рассматривается период 410–415 гг. в истории готов и Римской империи, в ходе которого происходило формирование вестготской идентичности и самоопределения в противостоянии с империей. Двойственность положения варварских войск в империи определялась противоречивой политикой императоров. Переменчивость имперской политики ставила в тупик предводителей варваров, не успевавших адаптироваться к изменениям курса. В большой степени это относится к Алариху, одновременно наиболее известному и успешному вождю готов и опальному военачальнику империи. Неудача Алариха поставила его войско на грань гибели, создав историческую альтернативу дальнейшей судьбы готов в рамках поздней Римской империи. Анализируется реализация этой альтернативы в политике Атаульфа, ближайшего преемника Алариха. Показывается отсутствие самоопределения вестготов в этот период, стремление всеми возможными средствами идентифицировать себя с империей.

Ключевые слова: готы; вестготы; варвары; поздняя Римская империя; Гонорий; Атаульф; Галла Пластидия; Констанций; властные институты; синполитейные общества; федераты; политическая идентичность.

Проблема идентичности варварских группировок в рамках Римской империи является комплексной. Ее решение требует учета множества факторов духовного, политического и социально-экономического развития как римлян, так и варваров. Однако без поиска этого решения невозможно приблизиться к пониманию процессов, происходивших в котле культур, в который превращалась на излете своего существования Римская империя, в котле, породившем в конечном счете все современные западно-европейские общности.

Взаимодействие и вынужденная интеграция были жизненно необходимы и для империи, и для варваров в период IV–V вв. Несмотря на сильные оппозиционные тенденции в общественном сознании как с той, так и с другой стороны, в этот период происходит сближение, отчасти – слияние социальных норм, структур, иерархий. Неуклонность этого процесса вопреки противодействию, отторжению, общественной критике свидетельствует о существовавшей исторической необходимости. Можно предположить, что для империи залогом существования являлась экспансия – территориальная, культурная, этническая. В условиях перманентного кризиса паллиативных институтов принципата и неизбежного сепаратизма домината внутренние ресурсы для развития Рима оказывались недостаточны. Отсюда потребность в интеграции в социум приграничных варварских племен и народов. Как абсолютная культура-гегемон, по выражению А. Грамши, Рим естественным образом вытеснял локальную, местническую идентичность, формируя *Rex Romanum*.

Однако запас прочности и гибкости имперских социально-политических структур в условиях толерантности и мультикультурализма являлся не бесконечным. Это стало очевидно после открытия дунайской границы для переселения варваров и последующей битвы при Адрианополе. Массовая миграция и аккультурация придунайских варварских племен еще более усложнили ситуацию в и без того аморфной позднеримской социально-политической системе. Для этой системы характерны декларативность и тенденция обозначать желаемое как действительное – закономерные следствия отсутствия реальных возможностей и ресурсов. Тем не менее для варваров, оказавшихся не просто в сфере контактов с римской цивилизацией, но непосредственно в ее рамках, подобный культурный шок вызвал две диаметрально противоположные реакции: преклонение и отторжение. При этом та, и другая

реакции могли проявляться в одном историческом персоне, это особенно заметно в случае Алариха.

С именем Алариха связано становление вестготской идентичности. Это произошло в силу ряда факторов: силы личности Алариха, его происхождения, карьеры и роли в римской армии, политики императора Феодосия по отношению к варварам, последствий смерти императора для империи и армии и т.д. Аларих возглавил готские части в римском войске, именно его признали готы своим королем и возложили на него надежды на свое будущее. Следует оговориться, что речь идет не о всех готах, проживавших на территории империи, но только о непосредственно преданных Алариху, связанных с ним родственными или клиентскими узами. Эти готы составили ядро его войска, которое впоследствии, во время похода на Италию в 410 г., сформировалось как особая идентичность. Это произошло в результате сознательного противодействия императора Гонория варварскому влиянию в армии и при дворе и, как итог, маргинализации варварских боевых частей – в первую очередь армии Алариха.

Таким образом, несмотря на большое значение Алариха для вестготов, его цель – формирование готов как подразделения римской армии и интеграции в армейскую элиту – не была достигнута. Более того, попытки Алариха найти путь соглашения с императором сокрушительно провалились, дав обратный эффект. Император по сути вынудил Алариха взять Рим, что послужило на пользу пропаганде антиварварской партии при дворе и перечеркнуло возможность мирного решения проблемы. Сталкиваясь с планомерным отторжением империи, Аларих умер, так и не найдя выхода для себя и своего войска. Поэтому тем более сложная задача вставала перед его преемником. Следовательно, решение вопроса о становлении идентичности вестготов в начале V в. невозможно без анализа переломной для его войска ситуации, сложившейся после смерти предводителя в 410 г. Со смертью Алариха, по мнению М. Куликовски, все связи его войска с римлянами, все возможности получить от последних поддержку и покровительство были утеряны, и это отчетливо понимал преемник Алариха Атаульф [1. С. 180].

С этого момента в источниках образуется лакуна, поскольку основные хроники доведены лишь до падения Рима. Х. Вольфрам сетует на то, что авторы Восточной империи потеряли интерес к Западу, а предание, излагаемое Иорданом, страдает фрагментарностью [2. С. 231]. Действительно, из труда Иордана нельзя

понять, каким образом произошел переход власти к Атаульфу, а это принципиально важный момент для определения степени и формы самоидентификации войска Алариха (*regnumque Vesegotharum Ataulfo eius consanguineo et forma menteque conspicuo tradent*) [3. С. 91]. Можно предположить, что он был избран, как делают это Д. Клауде и, с осторожностью, Х. Вольфрам [2. С. 230; 4. С. 32], однако в приведенном фрагменте речь идет о переходе власти и подчеркивается родство и внешнее сходство Атаульфа и Алариха, что подразумевает наличие принципа наследования. Вероятнее всего, что Атаульф действительно являлся единственной реальной кандидатурой в качестве преемника Алариха, поскольку, во-первых, последний не имел сыновей и братьев и Атаульф оказывался наиболее близким родственником, а во-вторых, он был готом из числа ровесников и сподвижников Алариха, его доверенным лицом, возможно, предводителем традиционно дружественного клана и достаточно активным и предприимчивым человеком.

Последнее обстоятельство играло существенную роль в условиях, в которых оказалось войско Алариха – вестготы – в 410 г. Проблемы отношений с империей и обеспеченности продовольствием и припасами угрожали катастрофой и требовали скорейшего решения. В противном случае были возможны распад и полная дезинтеграция войска в клановые группы на службе у местных или имперских властей. По сообщению Иордана, Атаульф первоначально избрал достаточно простой вариант действий – разорил, «подобно саранче», Южную и Среднюю Италию, в том числе и снова Рим [3. С. 91]. В отличие от Алариха, он не колебался, поскольку не испытывал, очевидно, таких затруднений в идентичности и не стремился занять официальный пост в имперских структурах.

С самого начала своего правления Атаульф задал принципиально иную стратегию позиционирования себя и своего войска в потестарном поле поздней империи, нежели его предшественник. Его понимание империи было более прозаично и утилитарно. Если Аларих, по всей видимости, не мыслил себя вне империи, то Атаульф воспринимал собственное войско как вполне самостоятельную единицу, для которой империя – инструмент достижения высших целей. В этой связи показательна характеристика его взглядов, приводимая Орозием и растиражированная во всех соответствующих исследованиях: изначально Атаульф горел желанием превратить римскую державу в готскую, как по существу, так и по имени, а самому стать подобным Цезарю Августу, т.е. императору; однако, осознав неукротимость готов и их неспособность подчиняться законам, он с течением времени решил оставить по себе славу хотя бы защитника Римской империи, если не ее преобразователя [5. С. 507]. Делая скидку на особенности источника, следует заметить, что эта характеристика адекватно отражает тот курс, который избрал Атаульф во взаимодействии с империей, это отмечает и Х. Вольфрам [2. С. 233].

Однако нельзя согласиться с Х. Вольфрамом в буквальном понимании данного фрагмента, считая, что Атаульф мечтал создать готскую государственность, Готию как страну готов. Следует поместить это высказывание

в контекст времени и взглядов хрониста. Орозий как современник Атаульфа и характерный представитель *Pax Romanum* не мог помыслить вариант развития самостоятельной варварской государственности в отрыве от империи. Вряд ли могли ее помыслить и сами варвары, тем более такие относительно романизированные, как Атаульф. Кроме того, необходимо помнить и об отсутствии внятной идентичности войска Атаульфа в тот период, как готской, так и какой-либо другой, что тем более не дает оснований для предположений о развитии государственности. Орозий, изображая Атаульфа в контексте общепринятого в тот период историографического канона варвара как злейшего ненавистника Рима, одновременно говорит о преобразовании существующей империи; Атаульф не стремится создавать новое или развивать традиционные готские системные институты. Утверждение, что он жаждет уподобиться Цезарю Августу, означает не надежду основать империю, а желание стать правителем, который был бы примером для всех потомков. Фактически, Атаульф предполагает лишь встать вместе со своим войском вестготов во главе существующей империи, заменить собой римскую элиту.

Возможно, это он и имел в виду, разоряя в 410–412 гг. Италию и надеясь на ответную реакцию Гонория. Таковой не следовало, но и Атаульф, очевидно, не видел иных вариантов действий, что говорит о его более тесной связи с готской племенной традицией и сознанием, чем у Алариха. Как свидетельствует Олимпиодор, выход ему подсказал Аттал, бывший римский сенатор и император [6. С. 226], а это само по себе подтверждает, что при всей своей относительно крепкой племенной и родовой идентичности Атаульф допускал наличие римлян в числе своих ближайших советников и прислушивался к их советам. Очевидно, именно в это время до Италии дошли известия о благоприятном отношении галльского узурпатора Иовина к варварским племенам и их вождям. Перспектива договора и обретения полноценной и постоянной ресурсной базы в Галлии была намного вероятнее, чем в Италии, и Атаульф немедленно увел свое войско через Альпы. Следует отметить, что если для Алариха большое значение имели факторы статуса и легитимности императора, то Атаульф исходил, по-видимому, исключительно из прагматических соображений.

В это же время его примеру последовал давний союзник, а затем соперник Алариха Сар, которому также нанес обиду Гонорий. Атаульф продолжает родовую вражду между Саром и Аларихом, охотясь на Сара даже в ущерб собственным интересам. Очевидно, Сар не имел сведений о передвижениях и соглашениях Атаульфа, поскольку буквально отправился на казнь. Это еще раз говорит о том, что для Атаульфа родовая идентичность являлась абсолютно приоритетной, поскольку, расправляясь с Саром, он рисковал желанным договором с Иовином. Впрочем, союз с Иовином долго не просуществовал: по свидетельству Олимпиодора, Атаульф сам разорвал отношения из-за того, что Иовин сделал соправителем своего брата Себастиана [6. С. 226]. Х. Вольфрам комментирует это событие как доказательство того, что в свое время Атаульф выторговал себе у Иовина какую-то часть имперских полно-

мочий, которыми не захотел делиться [2. С. 232]. Это предположение резонно, если понимать слова Орозия о стремлении Атаульфа стать цезарем буквально. Однако речь в данном случае скорее всего шла о неоговоренном одностороннем перераспределении полномочий и соподчинения: Иовин автоматически включил в договор с готами своего брата, что оскорбило Атаульфа. Кроме того, очевидно, что последний так и не получил от Иовина необходимого ему продовольствия, это явствует из условий договора, предложенного Атаульфом Гонорию. По сути, Атаульф менял голову Иовина на хлеб и соглашение с Равенной [6. С. 226].

Иовин и голова Себастиана (что характерно – Атаульф неукоснительно мстил за оскорбления) были отправлены Гонорию, однако обещанного зерна вестготы так и не дождались. По словам Олимпиодора, у представителей Гонория не было возможности его предоставить, и они тянули время, требуя выдать уведенную в плен сестру императора Галлу Плацидию [6. С. 226]. Действительно, Гонорий не мог в этот момент обеспечить поставки зерна, поскольку Африка контролировалась узурпатором Гераклианом [4. С. 33]. Атаульф ответил попыткой взятия Марселя. Х. Вольфрам считает, что это продолжение тактики кормления через грабежи, к которой Атаульф обращался в Италии [2. С. 232]. Однако А.М. Хименес Гарника предполагает, что Марсель сам по себе был интересен Атаульфу как центр торговых и финансовых потоков, а кроме того, как главный порт Галлии, связывающий ее с Северной Африкой и африканским зерном [7. С. 95]. Однако предположение, что из Марселя Атаульф планировал осуществить мероприятие, задуманное его предшественником, – переправиться в Африку – исследователь считает маловероятным, поскольку в этом случае римляне, по его мнению, не сопротивлялись бы возможности столкнуться с ним очередного узурпатора.

Приведенный выше фрагмент из сочинения Орозия А.М. Хименес Гарника считает свидетельством того, что Атаульф попал под сильное влияние аквитанской романской знати, рассчитывавшей сохранить римскую империю на галльской почве без контроля из Равенны. А.Р. Корсунский и Р. Гюнтер вообще расценивают все сообщения авторов V–VI вв. о стремлении готов к миру с империей как, скорее, экспликацию взглядов и настроений самих римлян, чем действительные намерения вестготских правителей [8. С. 45]. Так или иначе, но стремление местной знати к контактам с варварами явно присутствовало и в этом смысле резко контрастировало с политикой Равенны. Это подтверждают и слова Олимпиодора о том, что женитьба Атаульфа на Галле Плацидии осуществлялась по совету галло-римского полководца Кандидиана [6. С. 227]. В отличие от большинства исследователей, М. Куликовски полагает трудноопределимыми изначальные мотивы этого брака, но долговременную выгоду Галлы Плацидии видит явно [1. С. 182].

Другие авторы находят в этом событии отражение того изменения политики Атаульфа, о котором упоминал Орозий, – ориентирование на поддержку и защиту Римской империи вместо продвижения готского господства. Х. Вольфрам считает женитьбу на Галле Плацидии жестом примирения со стороны Атаульфа в ад-

рес Гонория, который таким образом стал его родственником [2. С. 233]. П. Хизер, напротив, видит в этом стремление Атаульфа сделать карьеру при императорском дворе за счет отсутствия у Гонория законных наследников [9. С. 369]. Однако наиболее интересную точку зрения высказывает Э.А. Томпсон, полагая, что Атаульф вынашивал грандиозный план интегрирования вестготов в римский социум; того, что стремился осуществить Аларих, его преемник надеялся достичь, породнившись с императорской семьей. Это его и погубило в конечном итоге, поскольку вызвало внутренний конфликт в среде вестготов [10. С. 46].

Безусловно, необходимо учитывать фактор влияния романского окружения на Атаульфа, оно резко возросло с оседанием вождя вестготов в Нарбонне, а затем в Барселоне, кроме того, Галла Плацидия, по словам Орозия, особенно помогала супругу убеждением и советами в правлении [5. С. 507]. Если не считать эти слова простым реверансом в сторону императорской семьи – а Орозий говорит о Плацидии исключительно в превосходной степени, – то, возможно, именно она взяла на себя обязанность выстраивать отношения с романским населением подконтрольных Атаульфу территорий, действуя в рамках имперского мировоззрения и вовлекая в него своего мужа. Показателем этого нового курса является наречение сына от этого брака Феодосием, как подчеркивают Д. Клауде и П. Хизер, это акт огромной символичности: принципиально значимое имя для римского императорского рода подразумевает прямые претензии на трон Западной империи [4. С. 36; 9. С. 369].

Таким образом, Атаульф опробовал стратегию, ранее примененную Стилихоном, – войти в элиту империи через прямое породнение с императорской династией. В случае успеха он действительно мог осуществить свою цель – интегрировать войско вестготов в ряды римской аристократии, возможно, обновив или отчасти заменив ее своими сподвижниками без кардинальных структурных разрушений. Об этом говорит и Олимпиодор, свидетельствуя, что с рождением сына Атаульф стал особенно дружелюбен по отношению к Равенне [6. С. 226]. Однако для Гонория подобное родство было неприемлемо, император не шел на переговоры. А.М. Хименес Гарника полагает, что при всем военном давлении, которое оказывал на Атаульфа Констанций, Равенна использовала вестготов для контроля над могущественными галло-иберийскими романскими родами во избежание появления очередных провинциальных узурпаторов, что наиболее удобно было делать именно из Барселоны, пограничного города и центра одного из таких родов – Ацилиев. Однако, в свою очередь, для этих родов перспектива появления среди них наследника императорской династии была неприемлемой, отчего они составили оппозицию Атаульфу [7. С. 96].

Представляется, что и среди собственно вестготов Атаульф находил не всеобщую поддержку. Э.А. Томпсон отстаивает точку зрения о принципиальной и ожесточенной борьбе проримской и антиримской партий в готской среде, борьбе сторонников строгой законности и власти и защитников племенной свободы и традиции [10. С. 44]. Подобные мотивы могли присутствовать, особенно в свете сближения Атаульфа с Гал-

лой Пладицией, но ведущим параметром, определяющим поддержку вождя, была его успешность в войнах и статусные перспективы. Возможность попасть в окружение будущего легитимного императора, получить высшие посты в империи создавала для Атаульфа хорошую опору среди вестготской знати.

Но эта возможность исчезла со смертью маленького Феодосия. Постоянные уступки и поражения от Констанция, которому Атаульф даже не пытался противостоять, должны были серьезно подорвать его авторитет среди войска. Наконец, как отмечает П. Хизер, из-за блокады Константином основных портов и торговых центров вестготы снова лишились источников продовольствия [9. С. 370]. Атаульф четко сформулировал свой курс в отношениях с империей и следовал ему настолько уверенно, что, очевидно, его положение оказалось напрямую зависящим от успешности этого курса. В результате он был убит в собственной конюшне [3. С. 92; 6. С. 226].

Версии мотивов убийства в источниках отличаются, хотя сообщение об убийстве Атаульфа собственными доверенными людьми приводится и Орозием, и Филосторгием. Однако Иордан добавляет к этому, что убийцей был некий Эвервульф, мстивший королю за издевательство над своим небольшим ростом; сомнительная гипотеза, учитывая, что, как тот же Иордан пишет чуть выше, Атаульф сам не отличался богатырской статью [3. С. 92]. Большинство исследователей полагают наиболее достоверными сведения Олимпиодора, сообщающего о мести не за личное оскорбление, а за смерть вождя готского клана. Х. Вольфрам констатирует, что подобная ситуация говорит о присутствии в окружении Атаульфа людей из родов его бывших врагов [2. С. 237]. Представляется, что Х. Вольфрам наиболее адекватно и емко отразил специфику идентичности вестготов при Атаульфе – это уже не столько этническая группа, сколько одна из партий, борющихся за власть в Западной империи [2. С. 234]. Однако вестготы еще достаточно связаны с традиционным родовым

сознанием, чтобы статус, авторитет, сохранение надлежащего лица и кровная месть определяли внутренние отношения между группами знати в войске Атаульфа. Таким образом, равно как внешние, так и внутренние противоречия привели к убийству короля.

Период 410–466 гг. для вестготов характеризуется в первую очередь самоопределением как самостоятельной группы в составе империи, а в перспективе – и вне ее. За это время идентичность вестготов трансформируется от военно-политической группировки во внутриимперской борьбе к автономному территориальному королевству, с империей практически никак не отождествляющемуся. Этот процесс отражен в зачастую противоречивых стратегиях, избираемых правителями вестготов в позиционировании себя и своего народа по отношению к империи и другим варварским группировкам.

Характерно, что Атаульф, несмотря на меньшую степень романизации и пиетета перед римскими институтами, нежели у Алариха, а возможно, именно благодаря этому, стремится к полной интеграции вестготов в имперские структуры, к занятию вестготами в империи равного по отношению к римлянам положения на основании полного принятия механизмов имперского функционирования через брак с Галлой Пладицией и рождение совместного ребенка, претендующего на императорский титул. В этом случае вестготы преодолевают традиционный порог между римлянами и варварами, данное противопоставление лишается смысла в их отношении, они становятся гарантами и носителями имперского принципа и получают статус, равный с римлянами, фактически отождествляются с последними. Однако подобная стратегия встречает явное противодействие как со стороны Равенны, для которой проблема варваров у власти стоит в этот момент чрезвычайно остро и болезненно, так и со стороны части самих готов, поскольку она угрожает полным растворением и ассимиляцией в римской среде, а эта тенденция не имеет массового отклика в общественном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric. Cambridge University Press, 2007.
2. *Вольфрам Х.* Готы. СПб. : Ювента, 2003.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетей, 1997.
4. *Клауде Д.* История вестготов. СПб. : Евразия, 2002.
5. *Павел Орозий.* История против язычников. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004.
6. *Олимпиодор.* История (В записках и выборках Фотия) // Византийский временник. 1956. Т. 8 (33).
7. *Jimenez Garnica A.M.* Settlement of the Visigoths in the fifth century // The Visigoths from the migration period to the seventh century. Boydell & Brewer Ltd, 2003.
8. *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М. : Изд-во МГУ, 1984.
9. *Хизер П.* Падение Римской империи. М. : АСТ ; Астрель, 2011.
10. *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. М. : Ювента, 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июля 2012 г.